

Кудреванищо

А напал Кудреванищо да на Киёв-град
Со любимым со зятелком со Куршиком,
Со любимым со племянницьком со Курмышком.
А у зятелка да силы — сорок тысецей,
У племянницка да силы — сорок тысецей,
У самого Кудреванища — числа-смету нет!
Как померкло-поблекло красно солнышко,
Потемнел тут, поблѣк блад светѣл месяц
От того же от духу от звериноного,
От того же от пару, да пару лошадиноного,
А от тех же от злых от тотаришков.
Как поехали оне в путь, да в путь-дорожецьку —
Не доехали они до Киёва за три попрышка
(А по-нашому, по-русскому, — равно за три версты) —
Как роскинули шатры-те да цернабархатны.
Розвернули тут столики дубовыя,
Как розослали скатѣрки да все берцатныя;
Как садилса Кудреванищо на ременчат стул,
Как писал тут ёрлыки да скоропрѣписны:
Не прѣом он писал, дак не чернилами —
Он писал тут, Кудреванищо, красным золотом,
Отпечатал Кудреванищо чистым серебром.
Выходил тут Кудреванищо из белá шатра́,
А вскричал тут Кудреванищо громким голосом:
«Уж вы ой еси, злы поганые тотаришка!
Как кому же 'вас ехать нонеце во Киёв-град
Ко тому же ко князю ко Владимиру,
Ко тому же старому казаку Илье Муромцю,
Ко тому же Добрыни, Добрынюшки Никитичу?»
Ищѣ большѣй кроитця да за среднего,
Ишо средний кроитця да за меньшого,
Как от меньшого боғатыря́ ответу нет!
Отдавал меньшому ёрлыки скоропрѣписны:
«Поеждяй ты не путѣм, не дорогою —
А скаци через стѣнушки городовыя,

А через те ли башни, да башни да наугольня!
Поеждяй-ко прямо да на красно крыльцо!
Ты не спрашивай нонеце у дверей придверницков,
У ворот не спрашивай приворотницков,
Среди двора не спрашивай караульщиков —
Как бросай там ёрлыки да скоропрóписны:
Не давай им сроку ни одно́го дня!»
Поехал он во путь, во дорожецьку —
Да скакал он через стенишки городовая,
Через те ли башни, да башни наугольня.
А приехал он ко князю да ко Владимиру,
Ко Владимиру-то князю да на широкий двор.
Заходил ле тут во гринюшки во светлыя:
Как одной ногой-то на порóг ступил,
А другой ногой-то — на середину-пол.
Обернулса он — да на бóльшо место сел,
В бoльшо место он сел — да где-ка, где князь сидит,
Где-ка князь сидит да стольне-киевской!
Как бросал тут ёрлыки да скоропрóписны!
Ищё брал тут Владимир ерлыкí те скоропрописны,
Говорил тут Владимир да таково́ словó:
«Как зовите Добрыню, Добрынюшку Микитиця!»
Говорил-ко ище Владимир да таково́ словó:
«Ты читай-ко, Добрыня, ёрлыки те скоропрописны!»
Говорил тут Добрыня да таково́ словó:
«Подступил-то Кудреванищо да под Киёв-град
Со любимым зятем со Куршычком,
Со любимым племянничком со Курмышком;
А у зятелка силы было — сорок тысячей,
У племянничка силы было — сорок тысячей,
У са́мого Кудреванища — числа-смету нет!
Уж давай Киев-город со Черниговом
Без бою, без драки, без кроволития!»
(Ишь, написано что в ярлыке!)
Говорил-то Владимир стольне-киевской:

*(Князь Владимир всех подарил, а Илью Муромця не подарил.
Илья Муромец обиделса.*

Тогда в поле ему привезли [шубу]. Он и рóзорвал эту шубу.)

«Как и был-то в живых Илья Муромец —
Позащитил бы все церкви да православныя!»
Говорила тут кнегиня, да кнегиня таково слово:
«Уж ты го́й еси, Владимир, да Владимир стольне-киевской!
Ты прости-ко-ся, прости ле меня во той вины:
Как живым-то жив Илья Муромец —
А кормила я его ровно три годá!..»
Как выскакивал Владимир да чуть не до ма́тицы,
Говорил тут Владимир да таково слово:
«Ой вы го́й еси, слуги мои, да слуги верные,
Вы зовите-ко сюда да Илью Муромця!»
Не послушалсэ Илеюшко во перво́й нако́н,
Не послушалсэ Илеюшко во второ́й након.
Говорил-то Владимир да таково слово
Свет кнегине, нынь Апраксеи:
«Позови-ко-се Илью Муромця!» —
«Уж ты го́й еси, Илья, да Илья Муромец!
Ты постой-ко-се за веру да прав«ославн»ую,
Не за князя Владимира, не за меня, Апраксею —
А за тот народ крещоный!»
Говорил-то Илеюшко да таково слово:
«Я не ради вас, не ради князя Владимира —
А за ту ведь, ведь Русь да крещоную!»
Вот он вскакивает.
Говорил тут Илеюшко таково слово:
«Уж ты го́й еси, Владимир да стольне-киевской!
Ты насыпай-ко-ся чашу да серебра,
А втору-то чашу — да скатна жемчуга,
Подари ты, дари посла великого,
Штобы дал нам строку на три месеца!».
То́гда посол принял злата-серебра и скатна жемчуга —
А не давал он им строку да на три месеца,
Только дал им строку да на три дня!
Ищо стал Илеюшко срежатися скóрым-на́скоро,
Ищо ко́нничка седлать да крепко-на́крепко,
А поехал во путь во дорожецьку.
Он ведь с утра э́хал день до вецера,
А со вechóра до белá свету́,
Не пиваючи он ехал, да не едаючи,

А коню-то отдóху не даваючи.
А увидел он во́ поле чернивизину,
Тут стоял-постоял бел шатёр полотненой.
Он приехал тут, Илеюшко, ко белú шатру́,
А соскакивал он со добра́ коня́,
Заходил он, [Илеюшко], во белóй шатёр:
«Уж вы здраствуйте, удалы добры молодци!
Уж вы здрастуй, крёсной Самсон Самойловиць!» —
(Двенадцетъ боғатырей их стояло.)
«Уж ты здрастуй, казак да Илья Муромець!» —
«Уж поедемте, робятушка, да во Киев-град
Постояти-то за веру православную
И за того же за князя за Владимира!»
Говорит-то тут кресной ёго батюшко:
«Не поеду я нонеце да во Киёв-град,
Да не буду я стоять за князя за Владимира!
У мя заповедь верно да положена:
Не стоять за князя да за Владимира!» —
«Уж ты го́й еси, крёсной да мой батюшко!
Я беру грех великий на ответ себе!»
Ищё стали сряжаться скоро-на́скоро,
Да поехали они в путь, да в путь-дорожецьку.
Как приехали они верно ле во Киев-град
Да к тому же ко князю ко Владимиру —
Заводилосе пирóваньё да столóваньё,
Столовáньицё-пировáнье, да почестен стол.
Ищо все на пиру да стали весёлы —
А один-то сидит Илеюшко: не ест, не пьёт,
Он не ест-то, не пьёт — сидит, не кушаёт,
Ищо белой лебёдушки не рушаёт.
«Уж вы ой еси, удалы да добры молодци,
Уж вы сильние-могуцие боғатыри!
А кому из нас ехать на дело ратноё,
На то ле побоище смёртноё?»
Говорили они да таково́ слово́:
«Уж мы все поедем на дело ратноё,
Уж на то ле побоище верно смертноё!»

Сказали, чтобы Илья остался телохранителем у князя у Владимира.

Говорил-то Илеюшко таковó словó:
«Как не цесть-то будёт молодецкая,
Как не силушка будёт, да сила боғатырская —
Как Илеюшка во городи останитца!
Ищё будут робята 'зади таскаться,
Над Илеюшкой будут, да будут насмехатисе!»
Как поехали они в путь, да в путь-дорожецку.
Как выехали они на гору на высокую,
Вынимали они трубочки, трубочки подзорныя,
Как смотрели они во все стóроны:
Как стояло тут силушки черным-черно́.
Говорили они тут да таковó словó:
«Уж ты ой еси, Илья, да Илья Муромець,
Поставь нам шатёр и дай нам опамятоваться!»
Говорил Илья да таковó словó:
«Уж вы ой еси, удалы да добры молодци!

Смотрите не засыпайте, а помощь давайте!» И поехали вдвоём: Илья Муромець да кресной батюшко Самсон Самойлович.

Как вынул тут Илья стрелочку калёную,
Натегал тут Илеюшко тугой лук,
Говорил тут Илеюшко таковó словó:
«Полетай-ко-се, стрела моя калёная!
Ты не падай ле на воду ле, не на землю —
Полетай-ко Кудреванищу во бел шатёр,
Попади-ко Кудреванищу да в пра́вой глаз!»
Уж как стали они биться день до вечера,
А со вецора бились до бела свету,
Не пиваючи бились, не едаючи,
Ищё ко́ням отдо́ху не даваючи.

Тогда видит: Самсон Самойлович ослаб. Тогда он вынимал стрелочку калёную и спускал [ко] высокоу белú шатру. Они спят и думушки не думают.

Пролетела стрела калёная ко белú шатру́,

Вырвала ров земли — да ото сну добрые молодцы пробуждалися.

Как заскакивали они на добрых коней,
(Шатёр так и остался.)
Уж бились они опять с утра день до вечера.
Говорил-то Илеюшко крёсну батюшку:
«Поеждяй-ко-се, Самсон, больше во бел шатёр!»
А как стали они по силушке поездивать,
А как стали они силушку помахивать,
Ищо бились они трое суточки —
Уж как выбили они до единого!
Собирались они во единой круг,
Говорили они таковó словó:
«Был бы столб в земле до небушка —
Поворотили бы всю матушку сыру́ землю
И выбили там до единого!
И была бы на небо лесвиця —
И залезли бы и выбили там до единого!»
Уж как выехали они на гору на высокую,

Они приехали, а крестной батюшко помер.

Как зажгли они свещу воску ярова,
И поставили они бел шатёр и легли спать.
Спали они трое суточки,
На четверты-те суточки пробуждаться стал
По имени стар казак Илья Муромец.
Вынимал Илеюшко трубочку подзорную,
Смотрел на все стороны:
Во поле силушки черным-черно́.
Говорил-то он, Илеюшко, таковó словó:
«Уж вы ой еси, удалы добры молодци!
Собирайтесь-ко во путь, в дорожецку
А на то дело, дело ратноё,
А на то ле побоищо на смертноё:
Ищо силы стоит больше прежнего!»
(Они все и кинулись.)
Они ездили с утра, да с утра день до вечера,
А со вецера до бела свету́,
Не пиваюци они ездили, не едаюци,
Ищо коньям отдоху не даваюци.
Говорил-то Илеюшко таковó словó:

«Ищó руки-то мои да намахалисе,
Ищó сабелька моя больне затупиласе —
А с землѣй-то, братцы, матушкой не наборешься!»
(Он-то понял, что [не наборешься].)

С тех пор и перевелись богатыри. Все разъехались, кто куда. Кто на горы —
окаменел.

Больше не стало богатырей на Руси!

*(Зап. А. М. Астаховой 5 июля 1928 г.: д. Белощелье Лешуконского р-на — от
Семенова Максима Васильевича, 56 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.